

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Перевод: В.В. Бибихин

Все временные и пространственные дали сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающей машине за ночь. О чем в старину он узнавал лишь спустя годы, а то и вообще никогда, о том сегодня радио извещает его ежечасно в мгновение ока. Созревание и цвение растений, сокровенно совершавшиеся на протяжении времен года, кинолентка демонстрирует теперь публично за минуту. Далекие становища древнейших культур фильмом показывает так, словно они прямо сейчас расположились посреди плодной площади. Кино засвидетельствует показываемое вдобавок еще и тем, что дает попутно увидеть съёмочный аппарат и обслуживающего его человека за работой. Предел устранения малейшего намека на дистанцию достигается телевизионной аппаратурой, которая скоро проникнет и скрепит собой всю многоэтажную машину коммуникации.

Человек преодолевает длиннейшие дистанции за кратчайшее время. Он оставляет позади величайшие расстояния и ставит все тем самым на минимальном отстоянии от себя.

Но спешное устранение всех расстояний не приносит с собой никакой близости, ибо близость заключается не в уменьшении отдаленности. Что пространственно оказывается в минимальном отдалении от нас благодаря кинокадре, благодаря радиоголосу, может оставаться нам далеким. Что непредставимо далеко в пространстве, может быть нам близким. Малое отстояние - еще не близость. Большое расстояние - еще не даль.

Что такое близость, если она нам не дается несмотря на свертыwanie длиннейших расстояний до кратчайших дистанций? Что такое близость, если непрестанное устранение всех расстояний даже отгоняет ее? Что такое близость, если вместе с ее отсутствием куда-то делась и даль?

Что же тут происходит, когда из-за устранения больших расстояний все встает в одинаковой дали и одинаковой близки? Что такое это единообразие, где все ни близко, ни далеко, словно лишаясь дистанции?

Все спекается в недалеком единообразии. Как? Разве сплющивание до исчезания дистанций не еще более жутко, чем разлетание всего на куски? Человек оцепенело смотрит на то, что может наступить после взрыва атомной бомбы. Человек не видит того, что давно наступило, совершившись как нечто такое, что уже лишь в качестве своего последнего извержения извергает из себя атомную бомбу с ее взрывом - если не говорить о водородной бомбе, взрыва которой, имея в виду крайние его возможности, оказалось бы достаточно, чтобы истребить всю жизнь на Земле. Чего еще ждет наш беспомощный страх, когда потрясающее уже стряслось?

Потрашающее - в том, что все, что есть, выпрехнуто из своего былого существа. Что такое это потрясающее? Оно обнаруживается и таится в способе, каким все существует - а именно в том, что

ВЕЩЬ

М. Хайдеггер

Перевод: В.В. Бибихин

Все временные и пространственные дали сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающей машине за ночь. О чем в старину он узнавал лишь спустя годы, а то и вообще никогда, о том сегодня радио извещает его ежечасно в мгновение ока. Созревание и цветение растений, сокровенно совершавшиеся на протяжении времен года, киноплёнка

демонстрирует теперь публично за минуту. Далекие становища древнейших культур фильм показывает так, словно они прямо сейчас расположились посреди людной площади. Кино засвидетельствует показываемое вдобавок еще и тем, что дает попутно увидеть съемочный аппарат и обслуживающего его человека за работой. Предел устранения малейшего намека на дистанцию достигается телевизионной аппаратурой, которая скоро пронижет и скрепит собой всю многоэтажную махину коммуникации.

Человек преодолевает длиннейшие дистанции за кратчайшее время. Он оставляет позади величайшие расстояния и ставит все тем самым на минимальном отстоянии от себя.

Но спешное устранение всех расстояний не приносит с собой никакой близости; ибо близость заключается не в уменьшении отдаленности. Что пространственно оказывается в минимальном отдалении от нас благодаря кинокадру, благодаря радиоголосу, может оставаться нам далеким. Что непредставимо далеко в

пространстве, может быть нам близким. Малое отстояние - еще не близость. Большое расстояние - еще не даль.

Что такое близость, если она нам не дается несмотря на свертывание длиннейших расстояний до кратчайших дистанций? Что такое близость, если непрерывное устранение всех расстояний даже отгоняет ее? Что такое близость, если вместе с ее отсутствием куда-то делась и даль?

Что же тут происходит, когда из-за устранения больших расстояний все встает в одинаковой дали и одинаковой близости? Что такое это единообразие, где все ни близко, ни далеко, словно лишилось дистанции?

Все спекается в недалекое единообразие. Как? Разве сплющивание до исчезновения дистанций не еще более жутко, чем разлетание всего на куски? Человек оцепенело смотрит на то, что может наступить после взрыва атомной бомбы. Человек не видит того, что давно наступило, совершившись как

нечто такое, что уже лишь в качестве
своего последнего извержения
извергает из себя атомную бомбу с ее
взрывом,- если не говорить о
водородной бомбе, взрыва которой,
имея в виду крайние его
возможности, оказалось бы
достаточно, чтобы истребить всю
жизнь на Земле. Чего еще ждет наш
беспомощный страх, когда
потрясающее уже стряслось?

Потрясающее - в том, что все, что
есть, вытряхнуто из своего бывшего
существа. Что такое это
потрясающее? Оно обнаруживается и
таится в способе, каким все

существует,- а именно в том, что несмотря на все преодоление расстояний близость того, что есть, нам не дается.

Как обстоит дело с близостью? Как нам ощутить ее существо? Близость, по-видимому, невозможно непосредственно обнаружить. Мы встречаем ее, скорее, следуя за тем, что вблизи. Ближе к нам то, что мы обычно называем вещами. Только что такое вещь? До сих пор человек о вещи как о вещи задумывался не больше чем о близости. Вот вещь: чаша. Что такое чаша? Мы говорим: емкость; нечто приемлющее в себя

что-либо другое. Приемлющее в чаше - дно и стенки. Это приемлющее можно в свою очередь тоже взять за ручку. В качестве емкости чаша есть нечто такое, что стоит само по себе. Самостояние характеризует чашу как нечто самостоятельное. В качестве самостояния чего-то самостоятельного чаша отличается от предмета (1). Нечто самостоятельное может стать предметом, когда мы ставим его перед собой, будь то в непосредственном восприятии, будь то в актуализации через воспоминание (2). Вещественность вещи, однако, и не заключается в ее

представленной предметности, и не поддается определению через предметность предмета вообще (3).

Чаша остается емкостью, представляем мы ее или нет. Как емкость чаша стоит сама по себе. Но что это значит, что ее приемлющее само-стоятельно? Разве самостоянием емкости чаша определяется как вещь? Все-таки чаша как емкость само-стоятельна лишь в той мере, в какой поставлена. Произошло и происходит это, между прочим, благодаря поставлению, а именно изготовлению. Гончар изготавливает глиняную чашу из

специально отобранной и подготовленной для этого глины. Из нее состоит чаша. Благодаря тому, из чего она состоит, она может стоять на земле будь то непосредственно, будь то через посредство стола и лавки. Что стоит благодаря такому поставлению, то самостоятельно. Принимая чашу как изготовленный сосуд, мы, казалось бы, берем ее как самостоятельную вещь, а вовсе не как простой предмет. Или мы и теперь все-таки еще берем чашу как предмет? Безусловно. Правда, ее уже нельзя считать просто предметом представления, но она все равно пред-мет, поставленный перед нами,

напротив нас своим изготовлением. Чаша как будто бы получает характеристики вещи благодаря своему самостоянию. По сути, однако, мы мыслим ее самостояние от изготовления. Самостояние - то, на что нацелено изготовление. Но все равно самостояние мыслится тут исходя пока еще из предметности, хотя пред-стояние изготовленного предмета уже не коренится в голем представлении. Так или иначе от предметности предмета и от самостояния никакой путь к вещественности вещи не ведет.

Что вещественно в вещи? Что такое вещь в себе? Мы доберемся до вещи в себе только когда наша мысль прежде доберется, наконец, просто до вещи как вещи (4).

Чаша есть вещь в качестве емкости. Правда, эта емкость нуждается в изготовлении. Однако изготовленность гончаром никоим образом не составляет собственную суть чаши, насколько она как чаша есть. Чаша ведь не потому емкость, что изготовлена, а чаша должна быть изготовлена потому, что она емкость.

Изготовление, конечно, дает чаше войти в свое собственное существо. Но это собственное существо чаши никогда не создается изготовлением. Высвобожденная изготовлением, самостоятельная чаша нацелена на то, чтобы вмещать. В ходе изготовления чаша должна сперва, разумеется, явить изготовителю свой вид (5). Но это являющее себя, вид (эйдос, идея) характеризует чашу лишь в том аспекте, в каком емкость как подлежащая изготовлению предстает изготовителю.

Что, однако, есть емкость такого вот вида в качестве данной чаши, что и как есть чаша в качестве этой вот вещи - чаши, никогда невозможно понять, не говоря уж должным образом продумать, в свете ее вида, ее "идеи". Поэтому Платон, представляющий присутствие присутствующего исходя из идеи (6) так же мало думал о существе вещи, как Аристотель и все последующие мыслители (7). Платон, наоборот, во всем присутствующем увидел - причем увидел определяющим для всей последующей эпохи образом - предмет устанавливающего поставле-ния (8). Вместо предмета

скажем точнее: представ (Herstand). Полным существом пред-става правит двоякое пред-стояние: во-первых, пред-установленность в смысле происхождения из чего-то, будь то самопроизведение природы или произведенность искусства; во-вторых, пред-поставленность в смысле выступления производимого в непотаенность уже пребывающего.

Никакое представление присутствующего в смысле пред-става и предмета, однако, никогда не достигает вещи как вещи.

Вещественность чаши заключается в том, что она как вмещающий сосуд

есть. Мы удостоверяемся во вместительности его емкости, когда наполняем чашу. Вместительность обеспечивается, по-видимому, дном и стенками чаши. Но позвольте! Разве, наполняя чашу вином, мы льем вино в дно и в стенки? Мы льем вино самое большее между стенками ни дно. Стенки и дно - конечно, непроницаемое в емкости. Только непроницаемое - это еще не вмещающее. Когда мы наполняем чашу, вливаемое течет до полноты в пустую чашу. Пустота - вот вмещающее в емкости. Пустота, это Ничто в чаше, есть то, чем является чаша как приемлющая емкость (9).

Чаша, правда, состоит все-таки из стенок и дна. Благодаря тому, из чего она состоит, она стоит. А чем была бы чаша, которая не стояла бы? Как минимум - испорченной чашей; стало быть, все-таки еще чашей, именно такой, которая хоть и вмещает, но, постоянно падая, дает вмещенному пролиться. И все-таки пролиться может что-то только из емкости.

Стенки и дно, из которых состоит чаша и благодаря которым она стоит, не являются собственно вмещающими в ней. Если же

вмещающее заключается в. пустоте чаши, то горшечник, формуящий на гончарном круге стенки и дно, изготавливает, строго говоря, не чашу (10). Он только придает форму глине. Нет - он формует пустоту. Ради нее, в ней и из нее он придает глине определенный образ (11). Горшечник ловит прежде всего - и всегда - неуловимую пустоту и предоставляет ее как вмещающую в виде емкости. Пустотой чаши предопределяется каждый шаг изготовления. Вещественность емкости покоится вовсе не в материале, из которого она состоит, а во вмещающей пустоте.

Только разве чаша действительно пуста?

Физическая наука уверяет нас, что чаша наполнена воздухом и всем тем, из чего состоит воздушная смесь. Мы даем какому-то полупоэтическому способу рассмотрения обмануть себя, когда апеллируем к пустоте чаши, чтобы определить ее вмещающую способность.

Стоит же нам смириться с научным подходом к действительной чаше и исследовать, какова ее действительность, и обнаружится

иное положение дел. При наливании в чашу вина мы просто вытесняем воздух, уже заполнявший чашу, и заменяем его жидкостью. Наполнить чашу значит, при научном рассмотрении, сменить одно наполнение на другое.

Эти констатации физики верны. Наука фиксирует в них моменты действительного, на которые она ориентируется в своих объективных представлениях. Но разве это ее действительное - чаша? Нет. Наука сталкивается всегда только с тем, что допущено в качестве доступного ей

предмета ее способом
представления.

Говорят, научное знание
принудительно. Несомненно. Только
в чем состоит эта принудительность?
В нашем случае - в принуждении нас
к тому, чтобы отказаться от
наполненной вином чаши и
поставить на ее место полое
пространство, в котором
распространяется жидкость. Наука
делает эту вещь - чашу - чем-то
ничтожным, не допуская вещи самой
по себе существовать в качестве
определяющей действительности.

Принудительное в своей области - области предметов - научное знание уничтожило вещи как таковые задолго до того, как взорвалась атомная бомба. Ее взрыв - лишь грубейшая из всех грубых констатации давно уже происшедшего уничтожения вещи: того, что вещь в качестве вещи оказывается ничем (12).

Вещественность вещи остается потаенной, забытой. Существо вещи никогда не дает о себе знать, т. е. ему не дают слова. Это мы имеем в виду, говоря об уничтожении вещи как таковой. Ее уничтожение так жутко потому, что несет с собой двойное

ослепление: во-первых, иллюзию, будто наука, превосходя всякий другой опыт, улавливает действительное в его действительности; во-вторых, видимость, будто без ущерба от .научного исследования действительности вещам все равно ничто не мешает быть вещами,- чем предполагается, что они и так вообще всегда уже были полновесными вещами. Но если бы вещи с самого начала уже явили себя как вещи в своей вещественности, то вещественность вещей дала бы о себе знать. Тогда мысль была бы захвачена ею (13). По сути, однако, вещь как

вещь остается оттесненной,
ничтожной и в данном смысле
уничтоженной. Это происходило и
происходит с такой
основательностью, что вещи не то
что не допускаются уже в качестве
вещей, но вообще пока еще не могли
даже явиться мысли в качестве
вещей.

В чем коренится эта неявленность
вещи как вещи? Человек ли просто-
напросто упустил составить себе
представление о вещи как вещи?
Человек может упустить лишь то, что
ему уже неким образом предстало.
Составить представление, все равно

как, человек может только о том, что само по себе заранее уже высветилось и показало себя ему в своем принесенном с собою свете.

Что же тогда такое вещь как вещь, если ее существо пока еще не смогло явиться?

Неужели вещь еще никогда не подступала к нам достаточно близко, так что человек не научился должным образом обращать внимание на вещь как вещь? Что такое близость? Мы об этом уже спрашивали. Чтобы осмыслить это,

мы задались вопросом о чаше в ее близости к нам.

В чем заключается чашечность чаши? Мы вдруг выпустили ее из виду, а именно в тот момент, когда ее вытеснила видимость, будто наука способна дать нам разъяснение относительно действительности действительной чаши. Мы составили представление о том, что действительно в сосуде, о его емкости, пустоте как о полном воздуха полем пространстве. Это действительно пустота в физическом смысле; но она - не пустота чаши. Мы подменили впускающую пустоту чаши не ее

пустотой. Мы не обратили внимания на то, что в емкости чаши оказывается приемлющим. Мы не подумали, как происходит само вмещение. Поэтому от нас неизбежно и ускользнуло то, что вмещает чаша. Вино для научного представления превратилось просто в жидкость, жидкость - в одно из универсальных, повсюду возможных агрегатных состояний материи. Мы упустили задуматься о том, что вмещает чаша, и как вмещает.

Как вмещает пустота чаши? Она .вмещает, приемля то, что в нее наливают. Она вмещает, содержа

принятое. Ее пустота вмещает
двояким образом: приемля и
содержа. Слово "вмещает" поэтому
двузначно. Принятие вливаемого и
удержание влитого, однако, взаимно
принадлежат друг другу. Единство их
определяется тем выливанием, для
которого предназначена чаша как
чаша. Двоякое вмещение,
допускаемое ее пустотой, покоится в
выливании. Благодаря этому
последнему вмещение и есть то, что
оно есть. Выливание из чаши есть
поднесение. В поднесении чаши -
существо ее вмещающей емкости.
Существо вмещающей пустоты
собрано вокруг поднесения.

Поднесение, однако, богаче простого опорожнения. Поднесение, дающее чаше быть чашей, сосредоточивается вокруг двоякого вмещения, причем именно в выливании. Поднести чашу - значит одарить кого-то ее содержимым. Назовем двоякое вмещение, собранное вокруг выливания, что вместе впервые только и составляет полное существо подносимой чаши, подношением (14). Чашечность чаши осуществляется в подношении налитого в нее. Пустая чаша тоже получает свое существо от этого подношения, хотя пустую чашу не поднесешь. Но эта невозможность

поднести свойственна чаше и только чаше. Коса или молоток, напротив, неспособны к невозможности такого поднесения.

Подношением в чаше может быть питье. В чаше дают выпить воды, вина.

В подносимой воде присутствует источник. В источнике присутствует скала, в ней - темная дрема земли, принимающей в себя дождь и росу неба. В воде источника присутствует бракосочетание неба и земли. Оно присутствует в вине от плода

виноградной лозы, в котором
взаимно вверились друг другу соки
земли и солнце небес. В подношении
воды, в подношении вина по-своему
пребывают небо и земля. Но
подношение их есть сама чашность
чаши. В существе чаши пребывают
земля и небо.

Подносимое в полной чаше - питье
для смертных. Оно утоляет их жажду.
Оно веселит их досуг. Оно
взбадривает их общительность. Но
подношение чаши иногда
совершается и для жертвенного
возлияния. Если ее содержимое - для
возлияния, оно не утоляет жажду.

Оно возносит на высоту торжественность праздника (15). В таком подношении чашу и не подносят гостям, и подношение это - не питье для смертных. Содержимое чаши - напиток, жертвуемый бессмертным богам. Подношение чаши с напитком богам - подношение в собственном смысле. В подношении посвящаемого напитка льющая чаша являет себя как подношение дара. Посвященный богам напиток есть то, что, собственно, именуется словом "возлияние": жертвоприношение. Gub, gieben, лить по-гречески звучит - χ εεω в индогерманском - ghu, что

значит: жертвовать (16). Лить - в полноте осуществления, до конца осмысленного, в своей подлинности именованного - это возливать, жертвовать и тем самым подносить в дар. Только поэтому возлияние может превращаться, когда затмевается его существо, в простое наливание и разливание, пока в конце концов не опустится до обыденной торговли в розлив (17). Лить - не значит просто манипулировать с жидкостью.

В подношении чаши для питья пребывают по-своему смертные. В подношении чаши для возлияния

пребывают по-своему божества,
принимающие дар подношения как
дар жертвоприношения. В
подношении чаши всякий раз по-
своему пребывают смертные и
божества. В подношении чаши
пребывают земля и небо. В
подношении полной чаши
одновременно пребывают земля и
небо, божества и смертные. Эти
четверо связаны в своем изначальном
единстве взаимной
принадлежностью. Предшествуя
всему присутствующему, они
сложены в простоту единственной
четверицы.

В подношении полной чаши
пребывает одно-сложенность
четырех.

Подношение чаши есть дар потому,
что дает пребыть земле и небу,
божествам и смертным. Пребывание
тут, однако, уже не просто
постоянство чего-то наличного.
Пребывание есть событие. Оно
выносит четверых в ясность их
собственной сути (18). От ее одно-
сложности они вверены друг другу.
Единясь в этой
взаимопринадлежности, они выходят
из потаенности (19). Подношение

чаши дает пребыть односложности
четверицы всех четырех. Но в
подношении чаша осуществляется
как чаша. Подношение собирает в
себе то, что входит в поднесение:
двойное вмещение, вмещающее,
пустоту и выливание поднесенного.
Все это, собранное вместе в
подношении, само собрано вокруг
сбывающегося пребывания
четверицы. Это многосложно
простое соби́рание - существо чаши.
Наш язык имену́ет собрание в его
сути одним старым словом. Оно
звучит: thing, вече (20). Существо
чаши есть чистое дарящее соби́рание
одно-сложной четверицы в едином

пребывании. Чаша существует как Ding, вещь. Чаша есть чаша в качестве вещи. А каким способом существует вещь? Вещь веществует. Веществование собирает. Давая сбыться четверице, оно собирает ее пребывание в то или иное пребывающее: в эту, в ту вещь.

Мы даем воспринятому на опыте и помысленному таким образом существу чаши имя - вещь. Мы мыслим сейчас это имя из продуманного существа вещи, из веществования как собирающе-сбывающегося пребывания четверицы. Мы одновременно

напоминаем, однако, о древневерхненемецком слове thing, вече. Такое указание на историю языка легко вводит в заблуждение относительно способа, каким мы мыслим сейчас существо вещи. Может показаться, будто осмысливаемое нами существо вещи как бы выужено из случайно выхваченного словарного значения древневерхненемецкого имени thing. Возникает подозрение, что за нашей попыткой подойти к существу вещи стоит произвол этимологических забав. Упрочивается и становится уже расхожим мнение, будто вместо продумывания сущностных

соотношений мы просто
эксплуатируем словарь.

Но имеет место нечто
противоположное подобным
опасениям. Да,
древневерхненемецкое слово thing
означает собрание, а именно вече для
обсуждения обстоятельства, о
котором зашла речь, спорного случая.
Соответственно эти древние
немецкие слова, thing и dine,
становятся названием положения
дел; они именуют то, что тем или
иным образом касается, затрагивает
человека, о чем собственно идет
речь. То, о чем идет речь, римляне

называют *res*; значит по-гречески: говорить о чем-либо, совещаться об этом; *res publica* означает не "государство", а то, что заведомо касается каждого в народе, "захватывает" его и потому становится делом общественного обсуждения.

Только потому, что *res* означает задевающее нас, могли появиться словосочетания *res adversae*, *res secundae* - первое то, что задевает людей неприятным образом, второе то, что людям благоприятствует.

Словари, конечно, правильно переводят *res adversae* через "несчастье", *res secundae* через "счастье"; но о том, что говорят слова, произносимые как они есть для мысли, словари сообщают мало. По-настоящему дело здесь и в прочих случаях обстоит поэтому не так, что наша мысль питается этимологией, а наоборот, этимология неизменно обречена на то, чтобы вспоминать, прежде всего о сущностных отношениях того, что неразвернутым образом именуют слова словаря как слова мысли (21).

Слово *res* у римлян именует то, что задевает людей, обстоятельство, спорный случай, казус. В том же смысле римляне употребляют и слово *causa*. Само по себе и изначально оно значит вовсе не "причина"; *causa* означает "падение" (22) и тем самым то, что выпало людям, сложившееся положение дел; означает, что нечто намечается и должно произойти. Лишь поскольку *causa* почти равнозначно с *res* означает случившееся, выпавшее, слово *causa* может прийти впоследствии до значения причины в смысле каузальности того или иного следствия. Древненемецкое слово

thing и dine со своим значением собрания, а именно для обсуждения того или иного положения дел, как никакое другое пригодно для осмысленного перевода слова римлян res, "задевающее". Но из того же слова латинского языка, которое внутри последнего соответствует слову res,- из слова causa в значении случая и сложившегося положения - возникло романское la cosa и французское la chose; мы, немцы, говорим: das Ding. вещь. В английском thing еще сохраняется в полноте именующая сила римского res: he knows his things, он понимает в своих "делах", в том, что его

задевает; he knows how to handle things, он знает, как вести дело, т. е. как обращаться с тем, о чем от случая к случаю встает вопрос; that's a great thing: это большое (тонкое, огромное, великое) дело, т. е. случив-шееся само по себе, задевающее людей.

Только все решает никоим образом не эта кратко упомянутая нами история значения слов res. Ding, causa, cosa и chose, thing, вече, вещь. а что-то совсем другое и до сих пор вообще еще не продуманное. Словом res у римлян именуется то, что тем или другим образом задевает человека. Задевающее есть

"реальное" в res. Realitas, присущая res. воспринимается римлянами как такое за-девающее: дело (23). Но: римляне. собственно, так никогда и не продумали по существу то. что ощущали таким образом. Вместо этого римскую realitas вещи, res; начинают после заимствования позднегреческой философии представлять в смысле греческого οὐ, οὐ, латинское ens, означает присутствующее в смысле представления. Res превращается в ens - присутствующее в смысле установленного и представленного. Своеобразная realitas вещи, res, в ее первоначальном восприятии у

римлян, задевающее, отодвигается в
тень Наоборот, имя *res* в
последующее время, особенно в
Средневековье служит для
обозначения каждого *ens qua ens*, т. е.
всего тем или иным образом
присутствующего, даже когда оно
просто установлено представлением
и присутствует как *ens rationis* (24).
То же самое, что со словом *res*,
происходит с соответствующим ему
именем существительным *dine*. ибо
dine означает все, что тем или иным
образом есть. Поэтому Мейстер
Эихарт употребляет слово *dine* как о
Боге, так и о душе. Бог для него
hoechste und oberste dine (25). Душа -

groz dine (26). Этот мастер мысли никоим образом не хочет сказать тем самым, что Бог и душа вещь) такого же рода, как булыжник: материальный предмет; dine здесь - осторожное и сдержанное имя чего-то вообще существующего. Так Мейстер Экхарт говорит, следуя слову Дионисия Ареопагита: *Diu minn. ist der natur, daz si den menschen wandelt in die dine, die er minnet* (27).

Поскольку слово "вещь" в словоупотреблении европейской метафизики именует все, что вообще и каким бы то ни было образом есть, постольку значение имени

существительного "вещь" меняется
сообразно истолкованию того, что
есть, т. е. сущего. Кант таким же
образом говорит о "вещах", как
Мейстер Экхарт, и имеет в виду под
этим именем все, что есть. Но то, что
есть, становится для Канта уже
предметом представления,
складывающегося в самосознании
человеческого Я. Вещь в себе
означает для Канта: предмет в себе.
Характер этого "в себе" говорит, для
Канта, что предмет в себе есть
предмет без отношения к
человеческому представлению, т. е.
без того противостояния, в силу
которого он впервые только и

оказывается существующим для этого сознания. "Вещь в себе", осмысленная строго по Канту, означает предмет, никак не являющийся предме-том для нас, ибо существующий без всякого противостояния человеческому представлению, которое шло бы ему навстречу (28).

Ни давно стершееся значение употребляемого в философии имени "вещь", ни древневерхненемецкое значение слова thing, однако, ни в малейшей мере не помогут нам в бедственном положении, где мы оказались, пытаясь ощутить и

удовлетворительно продумать сущност-ный исток того, что мы здесь говорим о существе чаши. Зато, пожалуй, верно, что один смысловой момент из старого словоупотребления слова thing, а именно "собираение", отвечает существу чаши, о котором мы думали выше.

Чаша не есть вещь ни в смысле res, в понимании римлян, ни в смысле ens в средневековой трактовке, ни тем более в смысле предмета, как его представляет Новое время. Чаша есть вещь, поскольку она веществует. Из веществования вещи сбывается и

впервые определяется присутствие такого присутствующего, чаши (29).

Сегодня все присутствующее одинаково близко и одинаково далеко. Царит недалекое. Все сокращение и устранение дистанций не приносит, однако, никакой близости. Что такое близость? Чтобы отыскать существо близости, мы задумались о чаше, такой близкой. Мы искали существо близости и нашли существо чаши как вещи. Но в этой находке мы замечаем вместе и существо близости. Вещь веществует. Веществуя, она дает пребыть земле и небу, божествам и смертным; давая

им пребыть, вещь приводит этих четверых в их далях к взаимной близости (30). Это приведение к близости есть при-ближение. При-ближение - существо близости. Близость при-ближает далекое, а именно как далекое. Далекое хранимо близостью. Храня далекое, близость истинствует в своем приближении. При-ближая далекое, близость утаивает саму себя - и остается по-своему самым близким.

Вещь бывает "в"-близе не так, словно близость есть некий футляр.

Близость правит в при-ближении как само веществование вещи.

Веществу, вещь дает пребыть
собранию четверых - земле и небу,
божествам и смертным - в одно-
сложности их собою самой единой
четверицы.

Земля растит и носит, питая, плодит,
хранит воды и камни, растения и
животных.

Говоря - земля, мы мыслим тут же, от
простоты четырех, и остальных трех.

Небо - это путь Солнца, бег Луны,
блеск звезд, времена года, свет и

сумерки дня, тьма и ясность ночи,
милость и неприютность погоды,
чередa облаков и синеющая глубь
эфира.

Говоря - небо, мы от простоты
четверых мыслим тем самым уже и
других трех.

Божества - это намекающие
посланцы божественности. Из нее,
потаенно правящей, является Бог в
своем существе, которое изымает его
из всякого сравнения с
присутствующим.

Именуя божества, мы мыслим вместе -уже и других трех от односложной простоты четверицы.

Смертные - это люди. Они зовутся смертными, потому что в силах умирать. Умереть значит: быть способным к смерти как таковой (31). Только человек умирает. Животное околевает. У него нет смерти ни впереди, ни позади него. Смерть есть ковчег Ничто - т. е. того, что ни в каком отношении никогда не есть нечто всего лишь сущее, но что тем не менее имеет место, и даже - в качестве тайны самого

бытия. Смерть как ковчег Ничто хранит в себе существенность бытия (32). Смерть как ковчег Ничто есть хран (33) бытия. И будем теперь называть смертных смертными не потому, что их земная жизнь кончается, а потому, что они осиливают смерть как смерть. Смертные суть то, что они суть, как смертные, сохраняя свое существо в хране бытия. Они - осуществляющееся отношение к бытию как бытию.

Метафизика, напротив, представляет человека как animal, как живое существо. Даже когда ratio

пронизывает эту animalitas и правит ею, человеческое бытие продолжает определяться исходя из жизни и переживания. Разумные живые существа должны сперва еще стать смертными (34).

Говоря: смертные, мы мыслим вместе и остальных трех от простоты четверых.

Земля и небо, божества и смертные, сами собой единые друг с другом, взаимно принадлежат друг другу в односложности единой четверицы. Каждый из четверых по-своему

зеркально отражает существо остальных. Каждый при этом по-своему зеркально отражается в свою собственную суть внутри одно-сложности четверых. Эта зеркальность - не отображение какого-то изображения.

Зеркальность, освещающая каждого из четверых, дает их собственному существу сбыться в простом вручении себя друг другу. В этой своей осуществляюще-высвечивающей зеркальности каждый из четырех играет на руку каждому из остальных. Осуществляюще-вручающая зеркальность отпускает каждого из четверых на

свободу его собственной сути, но привязывает, свободных, к односложности их сущностной взаимопринадлежности.

Обязывающая свободой зеркальность - игра, вверяющая каждого из четырех каждому от слагающейся поддержки взаимного вручения. Ни один из четырех не окаменевают в своей обособленной отдельности. Каждый из четырех, скорее, разобособлен внутри их взаимоврученности: до своей собственной сути. В этом разобособляющем взаимовручении собственной сути - зеркальная игра

четверицы. От нее - доверительность простого единства четырех.

Мы именуем событие зеркальной игры едино-сложенности земли и неба, божеств и смертных миром (35). Мир истинствуется в мирении. Это значит: мирение мира ни объяснить через иное, ни обосновать из иного нельзя. Невозможность коренится не в том, что наше человеческое мышление к такому объяснению и обоснованию неспособно (36). Необъяснимость мирения мира происходит оттого, что такие вещи, как причины и основания, мирению мира

несоразмерны. Как только человеческое познание начинает требовать здесь объяснений, оно не поднимается над существом мира, а проваливается ниже существа мира. Человеческая потребность в объяснениях вообще не имеет отношения к одно-сложности мира. Единые четверо оказываются задушены в своем существе уже когда, когда их представляют просто как четыре обособленных реалии, которые надо обосновать друг через друга и объяснить друг из друга.

Единство четверицы есть скрещение (37). Это скрещение, однако,

получается вовсе не так, будто оно охватывает четверых извне и лишь задним числом привходит в них как это охватывающее. Скрещение не исчерпывается равным образом и тем, что четыре, коль скоро они налицо, просто стоят друг возле друга.

Скрещение осуществляется как дающая быть собой зеркальная игра четырех, одно-сложно вверяющих себя друг другу. Скрещение осуществляется как мирение мира. Зеркальная игра мира - хранящий хоровод. Потому и охватывает четверых их хоровод не извне

наподобие обруча. Хоровод этот -
круг, который окружает все,
зеркально играя. Он проясняет
четырех, давая им сбыться, до сияния
их односложности. Своим
воссиянием круг вручает четверых,
отовсюду открытых, загадке их
существа. Собранное существо
кружащей так зеркальной игры мира
есть само окружение. В окружении
зеркально-играющего круга четверо
льнут к своему единому и все же у
каждого собственному существу. Так
льнувшие, ладят они, ладно мира,
мир.

Льнуще, податливо, гибко, ладно, легко самое близкое нам, ближайшее окружение (38). Зеркальная игра мирящего мира как окружение хранящего круга дарит единой четверице ладность, легкость ее подлинного существа. От зеркальной игры хранящего окружения сбывается вещест-вование вещей.

Вещь дарит пребывание четверице. Вещью веществится мир. Всякая вещь дает пребыть четверице как пребыванию - здесь и теперь - одно-сложности мира.

Допуская, чтобы вещь
осуществлялась в своем
веществовании из мирящего мира,
мы вспоминаем о вещи как вещи.
Вспоминая таким образом о ней, мы
позволяем мирящему существу вещи
задеть нас. Вспоминая, значит думая
о вещи как вещи, мы оказываемся
способны к ней при-слушаться. Мы
тогда - в строгом смысле слова -
послушны ей. Мы оставили позади
себя претензию на всякую
безусловную отвлеченность от вещи.

Думая о вещи как вещи, мы щадим
существо вещи и отпускаем ее в

область, откуда она осуществляется. Веществование есть при-ближение мира. При-ближение- существо близости. Щадя вещь как вещь, мы поселяемся в близком, При-ближение близости - собственное и единственное измерение зеркальной игры мира.

Отсутствие близости при всем устранении дистанций привело к господству недалекого. В отсутствии близости вещь в названном смысле как вещь остается уничтоженной. Когда же и как будут вещи как вещи? Так отращаем мы среди господства недалекого.

Когда и каким образом придут вещи как вещи? Они придут не посредством человеческих манипуляций. Но они не придут и без бодрствования смертных. Первый шаг к такому бодрствованию - шаг назад из только представляющей, т. е. объясняющей мысли в памятную мысль.

Шаг назад из одного мышления в другое - конечно, не простая смена установки. Подобное невозможно уже потому, что любые установки вместе со способами их замены увязают в сфере представляющей

мысли. Требуемый шаг назад во всяком случае покидает сферу установок. Этот шаг занимает свое место в той ответственности, которая, будучи послушна внутри мира существу последнего, отвечает ему изнутри собственного существа. Для прихода вещи как вещи простая смена установки ничего не в силах сделать, подобно тому как все то, что стоит сейчас как предмет в своей недалекости, никогда не удастся взять и просто перестроить в вещь. Никогда не придут вещи и таким путем, что мы просто уклонимся от предметов и схватимся за прежние, старые предметы, которые, пожалуй,

были когда-то на пути к тому, чтобы стать вещами, или даже начинали присутствовать в качестве вещей (39).

То, что станет вещью, сбудется от окружения зеркальной игры мира. Тогда только, когда - вероятно, внезапно - мир явится как мир, воссияет тот круг, из которого выпростается в ладность своей односложности легкое окружение земли и неба, божеств и смертных.

Соразмерное этому окружению, само веществование ладно, и всякая

присутствующая вещь, легка,
неприметно льнет к своему существу.
Ладна вещь: чаша и стол, мост и
плуг. Но по-своему тоже вещи - ель и
пруд, ключ и холм. Вещи, каждый раз
по-своему веществующие,- цапля и
лось, конь и бык. Вещи, каждый раз
своим способом веществующие,-
зеркало и пряжка, книга и картина,
корона и крест.

И легки и ладны вещи даже своим
обозримым числом, в сравнении с
бесчисленностью повсюду равно
душных предметов; в сравнении с
безмерностью масс человека как
живого существа.

Сперва человек как смертный
достигнет, обитая, мира как мира.
Только то, что облегчено миром,
станет однажды вещью.

Примечания

Доклад был прочитан в Баварской академии изящных искусств 6.6.1950 и включен в сборник "Доклады и статьи" (1954). Перевод может только отдаленно показать, как в оригинале Хайдеггер дает говорить самому немецкому языку, слыша каждое слово в его истории, многозначности, связях, созвучиях.

(1) "Предмет", Gegenstand в исходном философском смысле того, что противостоит представляющему (субъекту).

(2) Предлагается увидеть вещь не как мы ее представляем, а как она "стоит" сама по себе. О трудности задачи можно судить по тому, что для Канта, например, на "вещи в себе" всякий разговор кончался. Для Хайдеггера все по-настоящему здесь только и начинается.

(3) Вещи окружают и создают человека раньше, чем становятся предметами; чаша была не представлена ("разработана"), а

найдена изготовившим ее
гончаром, например, в "чаше
озера", в ладони руки.

(4) Снова спор с Кантом. Для него
"вещь в себе" - загадка, ставящая
предел чувственно-
рациональному познанию. С чем
имеет дело все это познание,
спрашивает Хайдеггер. Разве с
вещами? Нет, только со своими
"предметами". Не "вещь в себе", а
просто вещь, каждая, по сути до
сих пор остается для человека
тайной.

(5) "Идея", "эйдос", "вид" у Платона
и Аристотеля - "причина" сущего,
но не единственная. Есть другие

причины (см. "Вопрос о технике", с. 222). Поэтому "идеей" улавливается только одна, пусть важная, сторона вещи, не ее простая суть.

(6) Ср. "Учение Платона об истине", с. 347.

(7) "Вещь" для Аристотеля, по смыслу слова ("практика") есть "то, с чем можно или нужно иметь дело". Вещь толкает к действию (вещь-дело, само ведет", "Метафизика" I 3, 984 а 18).

Реакция на вещь как на естественный повод для действия продолжается в современной философии. Определение вещи

как "относительно независимого" носителя свойств и отношений (Филос. энцикл. словарь. М., 1983, с. 80) приглашает к разложению вещи на составляющие, к анализу и редукции. Заслоняемый этой операциональной трактовкой вещи, в европейской традиции существует символизм, который усматривает в каждом явлении далеко идущие аналогии и в конечном счете "целостный образ мира". Хайдеггеровская вещь не символ по двум причинам: она не изображение, а само присутствие мира; мир присутствует в вещи не

как смысловая перспектива, а как ее собственное существо.

(8) См. "Учение Платона об истине", с. 356

(9) О впускающей пустоте см. "Искусство и пространство", с. 315.

(10) Еще не готовая чаша уже до того осязаема, что словно движет руками гончара, заранее ведя ему служить себе, извлекать себя, того давно дожидаящуюся, из глины. Глина для гончара, собственно, лишнее, он хотел бы сделать стенки и дно чаши как можно более тонкими, ведь их толщина мешает емкости. и в каком-то

недостижимом пределе гончар хотел бы получить стенки и дно состоящими из нуля глины, из ничего. Глина- вынужденное в чаше.

(11) Ради впускающей пустоты чаши; в ней - во вмещающей пустоте пространства; из нее - из той же впускающей пустоты, заранее уже имеющей место.

(12) Ср. Г. Гадамер, Искусство и подражание {Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991, с. 240): "Мы живем в новом промышленном мире. Этот мир не только вытеснил зримые формы ритуала

и культа на край нашего бытия, он кроме того разрушил и самую вещь в ее существе... Вещей устойчивого обихода вокруг нас уже не существует. Каждая стала деталью... В нашем обращении с ними никакого опыта вещи мы не получаем. Ничто в них уже не становится нам близким, не допускающим замены, в них ни капельки жизни, никакой исторической ценности".

(13) Если бы существо вещи (присутствие мира) было чем-то вроде предмета, научная мысль обязательно заинтересовалась бы им. Но присутствие не предмет и

ускользает от науки. Научная мысль, упустившая то, что прежде всего требует осмысления, поневоле перестает быть мыслью, превращается в расчет, в рассказ о предметах, в манипуляции с картиной мира. Ср.

перекликающееся с докладом "Вещь" радиовыступление 1952 "Что называется мышлением" (Heidegger M. Vorträge und Aufsätze... S. 130, 133).

(14) Из *schenken* (наливать, подносить, дарить) образовано собирательное *Ge-schenk* с непривычным, но исторически оправданным (в древнефризском

skenka "держать наклонно" в смысле "дать утек", позднее просто "дать") соединенным значением "наливаемое-дар". Буквальный перевод: "Мы именуем собрание гор (Birge) горной цепью (Ge-birge). Назовем соби́рание двоякого вмещения в выливании, что вместе только и составляет полное существо поднесения (Schenken): дар-наливание (Ge-schenk)".

(15) См. интерпретацию гельдерлиновского Праздника как События. (Heidegger M. Gesamtausgabe. Frankfurt a.M. Bd. 52)..

(16) Немецкое giessen имеет теперь только обыденное значение "лить". В греческом и в санскрите hi (все эти три слова восходят к общему индоевропейскому, которое реконструируется как ghu) - "совершать жертвенное возлияние", "лить в священный огонь".

(17) Развернем эту мысль. Человек не устает от бесконечных повторов налива-ния-выпивания не потому, что подчиняется физиологии, а потому, что в обыденном действии все еще таится забытое событие,

соединение человека с божеством,
земли с небом.

(18) Событие-озарение (Er-eignis)
дает сбывающемуся быть собой
(er-eignet).

(19) Т. е. истина человека не
откроется иначе как из его
соседства ("близости") с
божеством, чья суть - даль.
Истина земли не проявится иначе,
как в свете недостижимого неба.
Ср. у Гераклита человек -
смертный бог, бог - бессмертный
человек.

(20) Немецкое Ding (вещь)
происходит из древненем. thing -
тинг, народное собрание,

публичный процесс, дело (ср. в русском "это дело" в смысле "вещь"). О греч. "дело, вещь" см. прим. 7. В нем. Sache значение "предмет" тоже вышло из первоначального "спор, речь, суждение"..

(21) В нем. Wort ("слово") имеет две формы множественного числа. Слова словаря - Worter, слова мысли - Worte.

(22) Лат. causa - "обстоятельство, причина", cadere - "падать" (ср. рус. "выпадать" в смысле "получаться в итоге").

(23) В оригинале Angang от angehen "включаться, касаться,

приступать". В рус. задеть (задействовать) удобным для перевода образом имеет тот же корень, что дело.

(24) *Ens qua ens* - сущее как таковое, *ens rationis* - рассудочное, мысленное сущее (лат.).

(25) "Высшая и верховная вещь".

(26) "Великая вещь".

(27) "Природа любви такова, что она изменяет человека в ту вещь, которую он любит". Ср. Дионисий Ареопагит, "Божественные имена" IV 15, 712 A: "Истинный любящий и поступивший из себя... живет не своей жизнью, а жизнью возлюбленного". Там же, 713B:

любовь есть "сила единения" (ср. "Церковная иерархия" V 3, 6, 413 В и др.). Дионисий в свою очередь помнит апостола Павла (Послание к Галатам 2, 20): "И живу уже больше не я, но живет во мне Христос.

(28) "Вещь в себе" определяется Кантом через то, что она не есть: она не дана субъекту в его представлении, расположена вне чувственного созерцания и даже вне его предельных рамок, пространства и времени ("Критика чистого разума" I, 1, 2, § 8 "Общие замечания к трансцендентальной эстетике").

(29) Читателя (слушателя)

приглашают удержаться от работы (теоретической) с вещью.

Действительно ли все, что можно увидеть в вещи, придается ей только работой разума?

Принимаясь сразу работать над вещью, не упускаем ли мы ее и вместе мир, которому она раньше всякой работы принадлежит? Об от-ношении бытия к миру см. статью 1955 г. "К вопросу о бытии" (Heidegger M. Wegmarken. Frankfurta. M., 1967. S. 239)..

(30) Вещь приближает нас к мировой четверице тем, что скрепляет четыре области четверицы друг с

другом. Ср. выше прим. 19. Небо становится близко к земле не когда сливается с ней, а наоборот, когда раскрывает свою даль, и боги вплотную подступают к человеку, когда задевают его своей страшной недоступностью.

(31) Den T od als Tod vermogen. Тема последних разделов "Бытия и времени". Речь не о готовности к смерти, а о принятии человеком своей смертности, о безусловном знании, что (здесь можно сказать словами поэта Державина) "река времен... поглотит все дела людей". Только знание (опыт) смертности освобождает человека

от затерянности в "людях" (das Man), высвобождает его для возможного подлинного бытия. От смертности как таковой человек еще не умирает; оттого, что он в силах принять свою смертность, "способен" к смерти, его жизнь перестает быть голой биологией и открывается для биографии (истории). См. "Бытие и время" і 46-53.

(32) Без встречи с Ничто оказалась бы исключена встреча с бытием, требующая не меньшего, чем в смерти, расставания со всем сущим.

(33) Das Gebirg (собирательное от bergen сохранять, таить) так же отсутствует и так же понятно в немецком языке, как предлагаемое здесь нами в русском переводе корневое новообразование хран.

(34) "Разумное живое существо", как определяет человека метафизика, не включает в содержание своего понятия смертность. Не случайно в новоевропейской науке, отталкивающейся от метафизики, может спокойно обсуждаться возможность медицинского бессмертия. Для смертного смерть, наоборот, основание его существа, которое именно потому,

что выдвинуто в Ничто, встает в исключительное - понимающее отношение к Бытию.

(35) Wir nennen das ereignende Spiegel-Spiel der Einfalt von Erde und Himmel, Gottlichen und Sterblichen die Welt. Мир как односложная четверица земли-неба, божеств-смертных - лицо бытия. Ср. прим. 29.

(36) Фраза похожа на замечание к вышеупомянутому (прим. 28) месту "Критики чистого разума", где Кант говорит: "Какое может существовать отношение к предметам в себе, обособленным от всякой... восприимчивости

наших органов чувств, остается для нас совершенно неизвестным. Мы не знаем ничего, кроме нашего способа воспринимать их, который нам свойствен и который, между прочим, не обязательно должен быть присущ каждому существу (!), хотя - каждому человеку"..

(37) Vierung. Это слово имеется в немецком языке и означает средокрестие, пересечение нервюр готического крестового свода. Но здесь Vierung надо понимать как "четверение", событие четверицы в ее простом союзе..

(38) Буквальный перевод четырех последних фраз должен был бы звучать примерно так: "Собранное существо таким образом кружаще-достигающе истор-гающе-звнящей (ringenden) зеркало-игры (Spiegel-Spiel) мира есть легкий-округ (das Gering). В легком-округе зеркально-отражающе-играющего круга четверо прилаживаются (schmiegen sich) к своему единому и все-таки для каждого собственному существу. Так прилаживающиеся, ладят они, ладно миря, мир. Прилаживающееся, гибкое, льнущее, ладное, легкое зовется на

нашем старом немецком языке ring и gering". Здесь слово Ring, родственное нашим круг, рынок, ринг и французскому harangue речь перед собравшимся народом, заставляет снова вспомнить о народном собрании, публичной тяжбе в судебном разбирательстве (см. прим. 20). "Наш старый немецкий язык" - южное швабско-алеманское наречие, родное для Хайдеггера.

(39) В свете этого предупреждения против ностальгии по прошлому только недомыслием можно объяснить нередко встречающееся изображение Хайдеггера

реакционным романтиком, якобы
зовущим к реставрации какого-то
старого уклада или лада.

*М. Хайдеггер Вещь // М. Хайдеггер
Время и бытие. - М., - 1993*